

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С. Ю. Витте на тему
«Ноономика и финансовый капитал». Стенограмма
(23.04.2020 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, эксперт РАН, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономии кафедры политической экономии МГУ им. М. В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С. Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Добрый день! Мы с Вами сейчас ставим следующую проблему – о том, как движение к новому индустриальному обществу второго поколения и далее к ноономике сопрягается с теми геополитическими противоречиями, которые существовали в мире на протяжении всего XXI века и особенно обострились накануне нынешней пандемии, причем в условиях пандемии вообще приобрели совершенно неопределенный характер. Но то, что они существуют и что развивается национальный эгоизм и деглобализация, становится довольно очевидно. Как это все согласуется – эти геополитические, геополитэкономические тренды, с одной стороны, и стратегический, долгосрочный, на столетия, наверное, тренд движения к ноономике? Вот, наверное, это – главный вопрос.

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Вы так сформулировали вопрос, что он распадается на множество подвопросов.

АВБ. Да.

СДБ. Если есть такие «глобальные» вопросы, то и «глобальные» ответы должны быть. Но попробуем сначала проблему декомпозировать.

Начнем с геополитэкономии.

Как Вы правильно заметили, геополитэкономия показывает наиболее ярко, выраженно, очерченно – и цивилизационное развитие, и анализ сегодняшнего состояния, и анализ тех трендов, которые выявляются. И, соответственно, некоторые прогностические вещи, на которые можно под микроскопом или под телескопом смотреть и увидеть нечто принципиальное по поводу развития этих трендов в дальнейшем. Я могу отослать тех, кто сегодня, может быть, заинтересован в чтении этого материала нашего коллоквиума, к книге, которая вышла недавно в Институте нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, это – книга нашей коллеги из канадского университета Ванкувера Радика Десаи. Называется книжка «Геополитическая экономия после американской гегемонии, глобализации и империи». В этой книжке многие сегодняшние тенденции она ясно описала с точки зрения этакого геоанализа – глобального анализа, и при этом – политэкономического. Я не зря взялся редактировать эту книгу, точки зрения мои и госпожи Радика Десаи в значительной степени совпадают, совмещаются.

Что я могу сказать по поводу того, что сегодня можно наблюдать? Я сегодня не считаю, что о текущей ситуации в экономике, в современной экономике, сейчас, в период пандемии, нужно говорить не только как о ситуации, связанной с коронавирусом. Сегодня это – более широкое понятие, и «это» включает в себя все тенденции, которые мы наблюдали в последнее время, в том числе – не в связи с коронавирусом. Чуть позже мы о коронавирусе отдельно поговорим.

Первое и главное: есть такое ощущение, или – такое осознание сегодняшней ситуации, заключающееся в том, что все тенденции, которые связаны с так называемой глобализацией, на самом деле связаны с усилением роли финансового капитала. Именно он, финансовый капитал, который стал не помощником в развитии, в удовлетворении потребностей людей, а, собственно, хозяином, стал сейчас диктовать эти потребности людям. И, соответственно, создавать симулятивный навес на всю человеческую деятельность, и на экономику, и на человеческую жизнь. Симулятивный навес, связанный с умышленным, усиленным формированием симулятивных потребностей, усиленным формированием, скажем, представления людей о том, что хорошо, что нехорошо, несоответствующим истинным ценностям челове-

ского развития, я бы даже сказал – истинно естественным ценностям человеческого развития. Это всё – следствие того, что финансовый капитал стал хозяином, а не подчиненным лицом.

АВБ. Может быть, один нюанс только, Сергей Дмитриевич, извините, что перебиваю. Есть еще проблема: как финансовый капитал влияет на облик общественного производства? Вы справедливо сказали про человека, который начинает склоняться к финансовым, то есть к фиктивным, симулятивным потребностям, и облик производства меняет. Здесь, наверное, главное влияние?

СДБ. Уточним. Я хотел как раз об этом сказать. Дело в том, что я сразу взял и, мне кажется, обозначил главную вещь. Дело в том, что производство, общественное производство, направлено на удовлетворение потребностей людей. И с этой точки зрения – важно, что есть изменение характера потребностей, то есть формирование симулятивных потребностей, излишних потребностей, формирование потребностей, которые нужны не человеку как таковому для его развития, а нужны капиталу для того, чтобы он прирастал. Оно, все это, действительно реально, Вы абсолютно правильно заметили, влияет на всю человеческую жизнь. В первую очередь, как раз на то, каким образом человек удовлетворяет свои потребности через общественно-производственную компоненту социально-экономического развития. И вот здесь мы действительно можем говорить о чем? О том, что облик промышленного производства, соответственно, развивается не без влияния вот этой тенденции. Хотя, с другой стороны, как таковое, само по себе, общественное производство достаточно нейтрально, оно направлено на то, чтобы удовлетворять потребности людей. А вот уж они-то, потребности, не нейтральны. Они как раз – либо реальны, либо симулятивны. Поэтому это все равно что, не знаю, сравнивать производство, общественное производство, к примеру, с молотком. Вы можете молотком (да, зависит от потребностей) бить по головам, а можете гвозди забивать, и здесь я расцениваю его как инструмент. Понятно, что, для того чтобы гвозди забивать, необходима плоская часть молотка, она должна быть сформирована именно так, чтобы удобно было бить по шляпке гвоздя, соответственно, аналогично, если сравнить общественное производство (инструмент удовлетворения общественных потребностей) с молотком (инструментом удовлетворения

конкретной потребности), общественное производство должно быть как-то повернуто в соответствующую сторону. А если головы надо молотком разбивать, то туда годится острая часть молотка. Надо ее развивать. А инструмент – тот же в принципе, и принцип действия его один и тот же в обоих случаях.

АВБ. Да, это хорошая диалектика.

СДБ. Вы знаете, возможно, это не слишком корректная аллюзия, но именно таким образом я пытаюсь показать, что с одной стороны – это инструмент (общественное производство), нейтральный инструмент, с другой стороны – он, как и любой инструмент, приспособливается для решения тех задач, которые перед ним ставятся. И вот сейчас эти самые задачи (симулятивные потребности, их удовлетворение) диктует глобальный финансовый капитал в конечном счете. Поэтому я считаю, что это – самое главное, самое важное геополитэкономическое обоснование сегодняшних трендов, тенденций развития. Сегодняшней ситуации в человеческом развитии.

АВБ. Одну секунду, Сергей Дмитриевич, еще на минуту перебью. У меня есть важный момент, который у Вас обозначен, хотелось бы его поподробнее развить. Между потребностью и производством как таковым, тем самым молотком с двумя вариантами ударной части, стоит, видимо, что-то еще, система общественных, производственных отношений, институты. Какова их роль и действительно ли они тут стоят посередине, или напрямую потребности формируют производство?

СДБ. Они, естественно, есть, общественные институты как «обеспечивающий» феномен, как некие приводные ремни, связывающие одно с другим, и формируются в зависимости от того, каким образом формируется основная, «главная» ситуация – опять же, в зависимости от того, какие потребности она призвана удовлетворять. Это, можно так сказать, – шестеренки, или другой инструмент. Общественное производство – один инструмент, институты – это тогда другой инструмент, который существует в обществе, другой инструмент для обеспечения решения задачи удовлетворения тех же потребностей людей.

А потребности формирует человек. Я почему все время говорю, настаиваю на том, что нам необходимо «воспитывать» человека? Нам необходимо работать над его критериальной базой, его

принципами целеполагания, реализации и контролирования жизнедеятельности. Над новыми принципами, над развитием новых принципов его существования – физического и духовного существования и т. д. Именно потому, что и выработка этих критериев, и следование им подразумевают формирование правильных потребностей людей, а при удовлетворении такого рода потребностей соответствующими станут и общественное производство, и институты, обеспечивающие переход вещных реалий (предметов, вещей, услуг и т. д.) в удовлетворении потребностей в эту парадигму.

Это – как раз и есть некий «промежуточный» инструментарий, и, соответственно, здесь мы не можем говорить о чем? О том, что институты существуют сами по себе. Ничего подобного, они не существуют сами по себе, они точно так же, как и все остальное, призваны решать задачу удовлетворения потребностей людей. То есть являются, в определенном смысле, передаточным звеном. Почему? Потому что общественное производство предполагает наличие не только технологических каких-то компонент, не только некие материальные носители и прочее. Оно предполагает и порядок распределения результатов общественного производства, и порядок формирования общественного производства, и порядок его функционирования, и т. д. Все это обеспечивается институтами, которые в обществе формируются в связи с этим. Поэтому институты – это тоже нечто подчиненное главному тренду, элемент системы. Вот такое у меня представление об этих вещах.

АВБ. Да. Спасибо, Сергей Дмитриевич, извините, что отвлек от логики, давайте вернемся к тому, как формируется геополитэкономическая структура под влиянием финансового капитала.

Вы закончили, прежде чем я Вас прервал, на том, что финансовый капитал детерминирует главные направления развития геополитэкономической реальности сегодня в широком смысле слова. Не только в условиях пандемии, но и в целом в мире. Наверное, здесь есть какие-то проблемы, связанные с тем, как он их формирует. Насколько это совпадает, насколько нет с трендами движения к ноономике? Исходя из Ваших работ – не совпадает, но хотелось бы чуть-чуть поподробнее этот момент, может быть, прояснить.

СДБ. Я уже об этом в свое время говорил. Могу еще раз подчеркнуть, что «сутевая» потребность финансового капитала, я

бы так сказал, в расширении своей сферы деятельности (такова его природа), в захватывании все более отдаленных от экономики сфер жизнедеятельности людей влечет за собой, соответственно, изменения в разных сферах жизни человеческой цивилизации. И в общественном производстве, и в институтах, формирующих вот эти приводные ремни удовлетворения потребностей. И в общественном производстве, удовлетворяющем потребности, во всех элементах нашей системы. Надо понимать, что финансовый капитал делает это не потому, что он неким каким-то разумом управляется, питается чьими-то специальными идеями, является неким орудием чьего-то умысла и т. д. Финансовый капитал имеет определенную природу. Эта природа финансового капитала связана с тем или влечет то, что он, проходя определенные стадии своего развития, стал хозяином, господином всего общественного процесса. Захватив не только общественное производство, но и постепенно умы и сердца людей.

Почему ему это удалось?

Потому что у человека изначально есть потребности, которые являются его витальными, естественными биологическими потребностями, «зоологическими» по своей выраженности и т. д. Эти потребности удовлетворяются определенным способом. Они требуют от человека развития тех качеств, которые, не будучи сами по себе отрицательными (например, создание/накопление запасов и т. п.), они, тем не менее, могут быть в определенной ситуации излишними, избыточными. Это происходит из фактора существенной неопределенности человеческого существования. Человек, с самых первых дней своего выделения из природы и осознания себя отдельным от природы, не может определить, на какой период времени ему необходим тот или иной ресурс и, соответственно, запас. Он не может быть уверен, что этого запаса ему хватит на какой-то период времени, который он тоже не может обозреть. Соответственно, формируются на базе этой неопределенности соответствующие элементы критериальной базы человека, которые требуют от него принятия соответствующего рода решений – к примеру, что копить надо больше, запас иметь, и даже несоразмерный с тем, который он может сейчас поглотить. Помните басню про попрыгунью-стрекозу и запасливого муравья? Мораль сей басни точно совпадает с общественной мо-

ралью (критериальной базой поведения) того общественно-хозяйственного уклада, в каковом была написана эта басня. Экономическое общество сохраняет родовой признак природного существования человека. В ноообществе за счет развитого ноопроизводства роль «запаса» станет играть фактор полного удовлетворения несимулятивных потребностей людей – и, соответственно, изменится и критериальная база, определяющая «правильность» поведения человека и, собственно, само поведение его.

А сейчас мы живем в экономическом обществе – по его законам. Один из них – в экспансии (запасов, капитала (как его определенной сублимации), «жизненного пространства»...). При этом, конечно, есть и какие-то ограничения в этой экспансии. Например, условно говоря, понимая, что у вас эпидемия, вам надо купить некоторое количество килограммов овощей и забить ими холодильник, потому что неизвестно, будут ли потом в магазине эти овощи, не подорожают ли они и не уменьшатся ли из-за этого ваша возможность купить столько же овощей – ведь в таком случае вашего запаса денег может не хватить. Неизвестно к тому же, сколько времени продлится эта эпидемия, сможете ли вы пополнить свой запас из-за ограничений с подвозом овощей в магазины. И т. д. Множество факторов неопределенности, влияющих на ваш выбор, на ваше решение, на вашу линию поведения. Но потом, вам приходится понимать при этом, что, вы, во-первых: а) не можете съесть больше, чем столько-то; б) у вас не может пролежать в холодильнике больше, чем сколько-то времени, иначе погниет, пропадет. И т. п. Значит, тут есть естественные ограничения, которые могут остановить вашу экспансию по поводу огурцов.

АВБ. Да.

СДБ. Если же вы уверены, что необходимое количество огурцов для удовлетворения вашей текущей разумной потребности есть в любом случае, будете ли вы забивать холодильник огурцами? Думаю, нет.

Я даю простой пример. На самом деле – все гораздо сложнее, и далеко не всегда, а чаще – никогда не представляется возможным установить эти самые естественные ограничения. Решение – только в переходе к нооэкономике с ноокритериальной базой поведения, существования и сущности человека.

Еще раз – о дне текущем. Те естественные потребности в обеспечении своего существования в условиях неопределенности человек перенес в финансовую систему. Почему перенес? Потому что финансовая система, деньги, в свое время, заменили, заместили элемент накопления. Потому что они, деньги, имеют определенную функцию, определенные известные возможности в этом плане. Они легко меняемы. Они гораздо более «подвижны». Они легче (особенно в нынешних технологических условиях) «складируются» и не так быстро пропадают, как огурцы, условно говоря, и т. д. Хотя тоже пропадать могут.

АВБ. Но это уже нынешние деньги, которые, да, у нас с вами на глазах пропадают со страшной силой. Особенно если это рубли. Тут Вы абсолютно правы.

СДБ. Я могу сказать, что, не далее, как вчера, в программе у Владимира Соловьева обсуждали, как быстро будут пропадать доллары. И какой это кошмар будет для мировой финансовой системы. Я могу сказать, отвлекаясь, что доллары на сегодняшний день держатся, возможно, даже на менее стойких основаниях, чем рубли. Поэтому неизвестно, что будет хорошо, а что плохо через некоторое время. Но я другое хочу сказать. Что все-таки деньги более подвижны в этом плане, более мобильны. Позволяют обеспечивать гораздо больше функций пополнения запаса. Например, покупать на них не только огурцы и пополнять свой запас огурцов, но и морковку, например, условно говоря. Т. е. в этом плане я считаю, что сочетание этих двух позиций – необходимости делать запасы и необходимости появления инструментов под названием деньги привело к тому, что деньги стали замещать эту функцию накопления и функцию «пополнения». Таким образом, возникла эта самая ситуация, когда финансовый капитал создает финансовый капитал. Т. е. деньги стали прирастать деньгами.

АВБ. Деньги, которые приносят деньги с приростом, без посредства каких-либо других товаров.

СДБ. Да, если говорить вообще. Это было уже в период времени, когда еще Маркс это заметил, и понятно, что сейчас это приобрело гипертрофированные размеры.

Почему это приобрело такие размеры? Тоже вопрос – почему? Почему именно сейчас?

Потому что технологический прогресс позволил удовлетворить те потребности, которые были более-менее разумны, более-менее нормальны для определенной, пока еще ограниченной (и более-менее отграниченной от других!) части общества, которая как раз обладает запасами, обладает чем-то еще. Предоставил возможность пополнять запасы, работать с резервами какими-то и т. д. Конечно, еще раз отмечу, для более-менее той части общества, которая удовлетворяет свои рациональные потребности, это позволило иметь накопление финансовое. И вот в этом плане – удовлетворить свои обозримые и не слишком симулятивные потребности в предметах каких-то, вещах, услугах и т. д. Удовлетворить свои потребности также в создании предметов для производства предметов (заводов, фабрик и т. д.). И все-таки, помня о том, что деньги сами по себе не являются таким вечным инструментом, который тоже может инфляцироваться и пропадать, естественно, возник вопрос – как сохранять тогда вот эти самые накопления, чтобы они были вечными? Где этот рефрижератор-холодильник, который может их заморозить, а еще лучше – как теплица, чтобы она их там немного растила.

АВБ. Да, хороший образ дан.

СДБ. Надеюсь, понятный. И вот эти инструменты – это инвестиции в те вещи, которые первоначально нужны для использования в разумных решениях, в частности, в приращении необходимых вещей, в насыщении дополнительных рынков, насыщении тех, кто имеет какие-то деньги, товарами, и т. д. В последующем, когда эти все вещи их объемы производства, стали тоже иметь естественное ограничение (ограничение спроса), рынок насытили какими-то предметами, товарами – значит, предметы становятся дешевле, деньги не прирастают, и возникает вопрос – каким образом сделать так, чтобы они далее прирастали? Возникают инвестиции в инновации. Инновации – либо это будут хорошие инновации, так называемые по Й. Шумпетеру, те инновации, которые реально увеличивают наши разумные потребности, я бы так перевел мое представление работы Шумпетера. А другие инновации – это фальшивые, наведенные «инновации», псевдоинновации, которые практически увеличивают симулятивную сторону этого процесса. Причем для финкапитала, по большому счету – пардон, «по барабану», какого типа эти инновации,

если они одинаково решают его задачу. Но – вау! Чаще всего проще решается эта задача через возгонку симулятивных потребностей (купи третий айфон, супермодный аксессуар...; «инновационное» в них либо только название, либо навязанная и, по правде говоря, излишняя функция, или нечто престижно-раскрученное через вдалбливание в голову рекламой и маркетингом, или нечто подобное). Таким образом, постепенно стало понятно, что чем дальше движется прогресс, тем сложнее делать инновации, которые реально сформируют и удовлетворят новые – реальные! – потребности. А поскольку «инновации», которые являются по сути псевдоинновациями, фальшивыми, делаются легко, элегантно, но приносят такие же, если не бо'льшие, доходы, то они постепенно становятся основными.

Теперь необходимо понять, каким образом люди будут потреблять такие инновации и на них будут клевать, как дикие гуси на горох. Значит, они будут клевать таким образом, если им объяснить, что это – нечто очень ценное, очень важное, без чего они не могут жить, что является предметом вожеления и т.д. Для этого надо менять ценности, ценности в головах людей. Поэтому возвращаемся к исходной точке – финансовый капитал развращает человека, он делает из него не нового человека (человек развивается всегда, сделаем отступление небольшое, от «зоо» к «ноо», я об этом писал в статье, опубликованной в «Вопросах философии»), а наоборот. Финансовый капитал не только тормозит этот процесс, он пытается сделать все наоборот, он провоцирует формирование зоопотребностей. Например, условно говоря, разве является реальной потребностью приобретение, не знаю там, 10 комплектов какой-нибудь одежды? Наверное, не является, достаточно иметь все-таки какое-то разумное количество, в зависимости от вида деятельности. Если ты спортсмен, теннисист, теннису нужно менять каждые два часа, значит, тебе надо, может быть, и 15 рубашек, но, если ты не теннисист, а зритель на теннисном корте, тебе хватит одной рубашки на день. Понимаете? Которую можно постирать через два дня – значит, хватит трех, пяти этих теннисок. Это и есть представление о том у каждого человека, какова его разумная потребность. Но нам объясняют, что, извините, нет, тебе нужно с утра надеть теннису (очки, ручной гаджет...) одной марки (не будем называть производителей, рекламу делать), в обед – другой, а вечером надеть специальные очки, кото-

рые тебе не нужны, даже вредны, возможно, но зато на них знак бренда такой-то там, а «все уважающие себя люди носят «...» по вечерам!»! В результате появляется то, что Вы называли в свое время очень точно «сбрэндившей экономикой». Сначала появляются наведенные потребности, потом процесс формирования этих потребностей завершается тем, что эти потребности начинают активно удовлетворяться. В них начинают верить как в реальные, и – дело в шляпе. Деньги, которые практически не вложены в истинные инновации, приносят, тем не менее, новые деньги за счет того, что те же товары (а то и вообще ненужные) продаются по другим ценам, более высоким. В результате экономика искривляется, становится «сбрэндившей», а главное место в ней все больше и больше занимает экономика наведенных потребностей, то бишь экономика финансового капитала.

Вот такова сегодняшняя ситуация, и она именно потому возникла, что технологический прогресс позволил в значительной мере накормить ту часть общества, которая как раз и владеет этими финансовыми и прочими ресурсами. Я не имею в виду только тех, кто имеет 1% всех мировых денег, я имею в виду общество в целом, общества, общественные структуры типа государственных формирований, групп типа Евросоюза и т. д., где в целом население имеет более-менее, несмотря на глобализацию, замкнутый цикл потребления и удовлетворения своих потребностей. И, соответственно, которые мы можем в этих видах рассматривать как некие автономные подсистемы глобальной системы мировой. То есть, например, Европейский Союз, Европейское сообщество, Соединенные Штаты, отдельная структура – Китай, условно говоря, отдельно – Индия. В каждой стране по-своему удовлетворяются потребности людей. Потому что на сегодняшний день, несмотря на то что мир глобален для финансового капитала, но он еще далеко не так глобален для того, чтобы удовлетворить потребности глобально одинаково. Т. е. люди в сегодняшнем мироустройстве, несмотря на глобализацию, умеют удерживать эти средства для удовлетворения потребностей в определенных ареалах на сегодняшний день. Соответственно, страны есть беднее, общества, субобщества. Есть те, которые удовлетворяют больше потребностей людей, есть меньше. И поэтому наведенная, фальшивая потребность больше формируется там,

где люди уже более-менее подкормлены. Уровень удовлетворения естественных потребностей, их реальных потребностей здесь выше, и технический прогресс позволяет еще более высоко их насыщать, но насыщать их дальше особенно некуда.

Вот в этом плане использование технологического прогресса финансовым капиталом как раз и приводит к тому, что финансовый капитал становится именно на этом этапе сейчас таким сверхпереразмеренным. И возгоняются наведенные, навязываемые потребности. С соответствующим поглощением природных и прочих ресурсов.

К чему это ведет? Это ведет к глобальной катастрофе. Почему? Потому что ресурсы наши, те, которыми человек пользуется для реализации этого процесса удовлетворения потребностей, ограничены. А использование ограниченного количества ресурсов неограниченно растущим (по своей природе) финансовым капиталом – это глобальное противоречие, его надо понять, ощутить. Использование вот этой парадигмы развития – бесконтрольного, бесконечного развития финансового капитала – привело к тому, что эта неограниченная ничем потребность в развитии, саморазвитии финансового капитала сталкивается с ограниченной возможностью удовлетворения этих потребностей финансового капитала в естественных ресурсах планеты, людей, человеческих ресурсов и т. д.

А когда у нас такое противоречие в системе есть, оно не может быть разрешено никак иначе, кроме как через понижение энтропии в двух вариантах. Либо это – катастрофическое понижение энтропии, что называется, напряжения сталкивающихся тенденций одной части движения с другой и взрыв. Возьмите, к примеру, движение платформы земли, литосферы в одном направлении. Наталкиваясь на движение другой платформы в другом направлении – получается что? Землетрясение, правильно?

АВБ. Да, вроде бы.

СДБ. Да, формирование новой геоструктуры. Точно также и геополитэкономическая структура будет новая – через драматическое завершение существования структуры предыдущей, если мы не сумеем разрешить противоречие и сформировать новую структуру системы другим путем. Другой путь предлагается в концепции ноономики. Это – путь естественного воспитания

человека плюс технологический прогресс. Причем – «в одном флаконе». Ноообщество есть техпрогресс, создающий ноономику, плюс формирование ноокритериальной базы и следование ей. Почти по Ленину – коммунизм есть советская власть (институты, построенные на «новочеловеческих» отношениях) плюс электрификация (переход к новому, в то время сверхпередовому техукладу) всей (подчеркнем – всей(!), ибо невозможно перестроить часть общества) страны (отдельной страны, что было в некотором роде допустимо в условиях геоэкономической и геополитической автаркии). Или почти как по заповедям Христовым (он на первое место ставил самоограничение симулятивных потребностей). Мы уточняем эти формулы. Ноообщество – не коммунистическое, по Марксу/Ленину, общество (тем более – не «царство Божие на земле»), его существенные, принципиальные отличия (и по структуре общественного производства, и по институтам, и по отношениям, и по генезису, и т. д.) мы обсуждали в базовой книге по ноономике. Без техпрогресса не удовлетворить потребности людей, а без воспитания человека не остановить рост симулятивных потребностей. Путь самоограничения, путь осмысленного самоограничения, путь разумного, рационального использования «более реальных потребностей», чем «менее реальных потребностей», путь формирования нооценностей. Достижение высот научно-технического прогресса и, соответственно, более равномерное формирование потребностей и удовлетворение (особенно!) потребностей людей разных социальных конструкций этой системы. И если мы будем думать о том, что «золотой миллиард» будет продолжать жить вот так же хорошо, как он сейчас живет, то это – глубокое заблуждение, если мы не предпримем соответствующих шагов по урегулированию этой ситуации – именно в том направлении, о котором говорит теория ноономики. Потому что «золотой миллиард» исчезнет, естественно, в силу геополитических потрясений.

Чем они будут спровоцированы – это отдельный вопрос. Может быть, физические/природные какие-то проблемы. Такие, как нынешняя эпидемия. Или экономический кризис, или коллапс в связи с какими-то боевыми действиями, коллапс экономический. Это – всякое может быть. Но, само по себе – факт, что эта, сложившаяся ныне и все более напрягающаяся ситуация бу-

дет однозначно разрешаться. Либо это будет разрешаться более естественным путем – когда пойдут общественные процессы, выравнивание этой ситуации. Например, в Германии политика мультикультурализма, возможно, провалилась. Возможно, она не привела к результатам позитивным, на которые надеялись. Мне, тем не менее, представляется, что вообще-то это – правильная политика. Хотя и жаль сегодняшней Европы, даже не сегодняшней, а вчерашней Европы. Потому что она исчезнет как культурно-обособленное некое существующее явление. Останется историческим явлением, если еще сохранится история Европы в памяти. Но, с другой стороны, если эти процессы допущения иностранцев и иноземцев в европейскую семью, все большего и большего количества людей, будут целевым образом направлены на выравнивание их не только социально-экономических условий жизни, а, соответственно, на выравнивание и правильное включение их в ареал культурных ценностей Европы, то понятно, что будут меняться ценностные взгляды этих людей, ценности будут чуть более высокие, более возвышенные, чем те, которые часто сродни ничему другому, кроме того, что набить желудок и насиловать соседку. Появятся и другие вещи, и возможно, эти вещи не позволяют им в дальнейшем думать только об этом. Мне кажется, что суть заключается в том, что ситуация, с одной стороны, как бы тупиковая, поскольку там никто толком не занимается воспитанием тех, кто прибывает. С другой стороны, там слишком быстро и рьяно взялись за допуск на свою территорию таких людей. Надо сопоставлять это с возможностями общества их переварить. Синхронизировать. Иначе это становится очень похоже на нынешнее общество в целом – новоприбывшие получают доступ к удовлетворению более широкого спектра потребностей за счет попадания в более технологически продвинутое общество, а сами эти потребности остаются у них полудикими.

АВБ. Да.

СДБ. Тем не менее, в этом плане мне кажется, что все-таки этот путь, естественный путь – он более правильный. Но он требует больших усилий от людей, от глобальных институтов, которые человек создал для развития отношений. Это известные и весьма полезные институты – такие, как всемирные организации разнообразны, ООН, Всемирная организации здравоохране-

ния, Международная организация труда и т. д., которые призваны регулировать, вырабатывать естественные принципы вот такого выравнивания возможностей людей, работая на создание более-менее гомогенного общества, более продвинутого от «зоо» человеческого общества. Этот этап цивилизационный, если мы пройдем его в таком ключе – я считаю, что это определенный путь к ноообществу. Если не пройдем – в этом случае нам останется только ждать первого пути, катастрофы.

АВБ. Встает еще один вопрос. Почему логика финансово-го капитала проводится в жизнь сегодня в большинстве наиболее мощных государств, мощных и экономически, и политически. Как вы думаете?

СДБ. Я не могу сказать, что стопроцентно знаю ответ на этот вопрос. У меня есть лишь свое некоторое представление по этому поводу. Мне кажется, что финансовый капитал формирует мировоззрение не только общества в целом, но и формирует мировоззрение тех людей, которые являются его носителями, владельцами, если хотите, или проводниками его сути и сущности. Финансовый капитал – большой «воспитатель». Он не только не воспитывает людей в духе продвижения к ноо, он работает против, а проще говоря, калечит души тех людей, которые сегодня с ним работают и вынуждены работать. Эти люди, которые в крупных финансовых структурах и политических структурах заведуют теми или иными политико-экономическими процессами, фактически являются – вольно или невольно – рабами этой идеологии, рабами финансового капитала. Они – не владельцы финансового капитала, а рабы его. И, соответственно, принимаемые ими решения – они идеологически, подсознательно почти, практически, выстроены таким образом, чтобы удовлетворять потребности финансового капитала. А не потребности, реальные потребности общественного развития.

Вообще, мне кажется, нынешняя пандемия многое изменила в сознании людей. Она демонстрирует явно – там, где меньше национального и личностного эгоизма, где более «человекообразное» общество, где менее индивидуалистичные отношения между людьми – там больше возможностей отразить и разрешить общую проблему. И наоборот – страны/общества с превалированием жестко индивидуалистических ценностей, прививаемых финансовым капиталом, создают соответствующие институты

(возьмите хотя бы систему здравоохранения США), которые не «заточены» на решение такого рода кризисных проблем. Несмотря на продвинутый уровень технологий (в том числе, в данном случае, медицинских).

Кроме того, пандемия показывает выпукло, как через лупу, неприемлемость дальнейшего нарастания неравенства – как отдельных стран, так и общественных страт. Уровень смертности в разных странах и для разных категорий населения оказался разным. Хотя потребность жить, и при том – быть здоровым, есть наиболее общая и «равная» для всех. Поэтому складывается ощущение, что мир после пандемии «полевее», усилятся тренды продвижения общественного сознания в глобальном масштабе в направлении социального выравнивания.

И, наконец, безусловно изменятся в сторону усиления тенденции продвижения в общественное устройство и в экономику технологий новых укладов. Мир вкусил прелести (и осознал недостатки и будет, конечно, их устранять!) виртуализации жизнедеятельности, настоящей цифровизации и глобального вторжения новых информационно-когнитивных технологий в бытие людей – и не только вряд ли теперь от этого откажется, но приступит к освоению вновь разведанного пространства жизни ускоренными темпами.

Можно надеяться, что это станет реальным шагом на пути к ноообщественному этапу развития человеческой цивилизации. И пусть таких шагов потребуются много – дорогу осилит идущий.